

3. *Agapova T.I.* Influence of Altai on mining production in Russia in the late XVIII - early XIX centuries. *Iz istorii Sibiri i Altaya*. Barnaul, 1968, pp. 71–87. (In Russ.)

4. *Maslennikovskiy S.I.* Forms of artisans eudal exploitation in Suzun in 1765-1861. *Iz istorii Altaya*. Tomsk, 1978, pp. 239–251. (In Russ.)

5. *Vedernikov V.V.* The Cabinet nonferrous metallurgy of Siberia in XVIII – the first half of XIX centuries. Barnaul, 2012. (In Russ.)

6. *Georgiy Mihaylovich, vel. kn.* Coins of Emperor Nicholas I reign period. St. Petersburg., 1890. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.12.2014

УДК 94(470)

И.Н. НИКАНОРОВ

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ФЕДОСЕЕВЦЕВ И ФИЛИППОВЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.*

Иван Николаевич Никаноров,
аспирант, Институт истории СО РАН (ИИ СО РАН),
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: nikanorov1203@ya.ru

Статья посвящена проблеме взаимоотношений в первой половине XIX в. двух родственных беспоповских согласий – федосеевцев и филипповцев. Старообрядческие согласия, на которые разделилось первоначально единое религиозно-общественное движение, вели полемику и искали точки соприкосновения на протяжении всей своей истории. Изучение их взаимоотношений позволяет определить, как осмысливали историю старообрядчества и свое место в ней лидеры согласий, какую позицию они занимали по отношению к существовавшей до реформ патриарха Никона православной традиции. Анализ рукописного сборника РНБ. ОСПК. О.І. 370 позволил выявить наиболее острые вопросы полемики, препятствовавшие воссоединению двух согласий, осознававших себя продолжателями традиций раннего Выга. Автором статьи сделан вывод, что сборник представляет собой пример новационной полемической литературы, в котором сделана попытка представить взаимоотношения двух согласий в форме равноправного диалога.

Ключевые слова: старообрядчество, согласие, полемика, федосеевцы, филипповцы, рукописные сборники, православная традиция.

I.N. NIKANOROV

ON RELATIONSHIPS OF FEDOSEEVTSY AND FILIPPOVTSY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Ivan Nikolaevich Nikanorov
Postgraduate Student,
Institute of History, SB RAS.
630090, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8
e-mail: nikanorov1203@ya.ru

The article is devoted to mutual relationships of the two priestless Old-Believers' Agreements - Fedoseevtsy and Filippovtsy – in the first half of the XIX century. The author analyzes materials from the Russian National Library manuscript collection previously unused by scholars that allowed him to reveal the most topical issues of the controversy that prevented reunion of the two Old-Believers' Agreements considering themselves as successors of the early Vyg tradition. The author draws attention to the collection structure and composition, concluding that it is an example of novation polemical literature, which attempted to present the relations between the two religious agreements in the form of equitable dialogue. The article details the main points of polemics between the two agreements. Some of them had retained their relevance since the early XVIII century, others appeared later being caused by changes in the social-economic realities due to modernization and urbanization of the Russian Empire.

Key words: Old Believers, Agreement, controversy, Fedoseevtsy, Filippovtsy, manuscript collections, Orthodox tradition.

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ (НШ-219.2014.6).

Старообрядчество с конца XVII в. является неотъемлемой частью культурного ландшафта России, оказывая существенное влияние на ее социальный и конфессиональный облик. Уже в конце XVII в. старообрядческое движение начало распадаться на консервативное и радикальное направления, что объяснялось противоречиями и неоднородностью православной традиции, существовавшей до церковной реформы патриарха Никона [1, с. 253–279]. Как убедительно показал Н.Н. Покровский, изучение старообрядчества как «единого и нерасчлененного явления» крайне неэффективно [2, с. 7], исследователями давно взят курс на исследование отдельных согласий и толков как автономных идеологических систем и установление их взаимосвязей. Рассмотрение проблемы взаимоотношений согласий внутри старообрядчества крайне актуально, поскольку отражает процесс самоопределения согласия в пространстве христианской традиции, осознание им собственной идентичности в рамках этой традиции.

Взаимоотношения между филипповским и федосеевским согласиями весьма примечательны, поскольку оба согласия оформились в результате размежевания с умеренным поморским, представляя наиболее радикальный вариант взгляда старообрядцев на социум и государство. На протяжении XVIII в. между ними не прекращалась полемика с целью найти основание для примирения и оформления общей идеологии, о чем свидетельствует общее самоназвание двух согласий – «старопоморцы».

Взаимоотношения двух согласий в XVIII – начале XIX в. детально проанализированы в монографии А.И. Мальцева [3]. Н.С. Гурьянова и М.В. Першина, обратившись к тексту сборника Макарова из рукописного собрания ИИ СО РАН, охарактеризовали ключевые вопросы в полемике между согласиями во второй половине XIX в. [4; 5]. Однако взаимоотношения согласий в первой половине XIX в. не попадали в фокус внимания исследователей.

Обращение к данному вопросу позволит дополнить представление о взаимоотношениях федосеевского и филипповского согласий на длительном историческом промежутке, проследить их динамику, эволюцию полемики, а также охарактеризовать место сборника «Отеческие завещания» в данном процессе.

Наметить пути решения поставленной задачи позволяет сборник из основного собрания рукописных книг РНБ, датируемый серединой XIX в. Он состоит из писем и посланий центральных общин двух согласий, в которых обсуждалась возможность и условия примирения, а также включает старообрядческие уставные сочинения, ставшие предметом полемики¹. Анализ данных текстов позволит прояснить некоторые ключевые направления взаимоотношений между федосеевцами и филипповцами в первой половине XIX в. и выявить наиболее актуальные вопросы в их полемике.

Федосеевское согласие во второй половине XVIII – начале XIX в. претерпело серьезные структурные изменения: его признанным центром стало Преображенское кладбище,

благодаря И.А. Ковылину получившее в 1809 г. легальный статус. Оно подчинило себе многие региональные общины. Филипповское согласие с момента разделения с поморцами оставалось децентрализованным, что серьезно осложняло возможности диалога и установления прочного мира и приводило к необходимости ведения диалога с каждой общиной, претендовавшей на лидерство в согласии. В начале XIX в. внутри филипповского согласия ключевую роль стала играть кимрская община [6]. Это обусловило усиление контактов между данной общиной и Преображенским кладбищем.

Сборник открывается соборным постановлением из 29 статей, принятым совместно федосеевцами и руководителями кимрской общины филипповцев в Москве на Преображенском кладбище. Данные статьи явно воспринимались составителями как идейная платформа для объединения федосеевцев и филипповцев, о чем свидетельствует преамбула. В ней авторы обозначили цель постановления: «Мы же ныне в лето 7228 (1820)... по воле Божии собравихомся для примирения и совокупления со старопоморцы...» (Л. 2). Особо подчеркивалось, что их текст не направлен на внесение нового в учение согласий, а разъясняет и дополняет унаследованное от предков учение, которое в свою очередь сохраняет неискаженной древнерусскую традицию: «Мы... благочестие сим исправляя засвидетельствуем, что и сие мы не новое предание внесение, но древнее укрепляюще поновихом, последующее заповедем святых апостол и... отец наших учению...» (Л. 2).

Развивая эту тему, авторы приводят цитату из Послания апостола Павла: «Поминайте, рече, наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, их же взирающе на скончание жительства, подражайте вере их»² (Л. 3). Цитата, с одной стороны, позволила авторам подтвердить приверженность «заповедем святых апостол» через прямую референцию и аргументировать свою ценность ориентацию на традицию, а с другой – подвести читателя к мысли о связи защитников старого обряда с дониконовской церковной иерархией, легитимировавшей их существование, с точки зрения православного канонического права.

Справедливость такой интерпретации подкрепляет следующий далее перечень представителей духовенства, связывающий защитников старого обряда и архиереев, неприязненно относившихся к патриарху Никону. В качестве первого «новин обличителя» указан Константинопольский патриарх Афанасий³, далее назван епископ Павел Коломенский. Чтобы усилить значимость личности Павла Коломенского, авторы соотносят его с одноименным апостолом, процитированным выше, связывая этим различные смысловые блоки преамбулы – «Павел блаженный Коломенский, иже со именем ревностно великому оному апостолу уподобился тако же и прочих преподобных отец, множеству за веру пострадавших...» (Л. 3). Соотнесение Павла Коломенского с апостолом преследует также и идеологическую цель – пред-

² Евр.13:7.

³ Источником данного утверждения служит «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского», атрибутированное П.С. Смироновым Андрею Денисову. Также упоминание о нем присутствует в подложном деянии легендарного Куржеского собора. – Об этом подробнее см.: [7].

¹ РНБ. ОСРК. О.И. 370. Середина XIX в. Л. 1–79. (Далее ссылки на эту рукопись будут даваться в основном тексте в круглых скобках.)

ставить его в глазах читателя мучеником, погибшим за распространение «истинной веры», а репрессии в отношении старообрядцев уподобить гонениям на христиан во времена Римской империи.

Далее, продолжая перечислять мучеников во имя веры, авторы называют участников Соловецкого восстания [8; 9]: «...за веру пострадавших как и Соловецкия великия обители... священных же иноков, и от мирского чина за древле истинное благочестие... от злых мучителей пострадавших...» (Л. 3 об.). Апелляция к Соловецкому монастырю объяснялась авторитетностью обители среди русского населения и во всех направлениях старообрядчества [10; 11]. Авторитетность и легитимность выговцев в данном тексте проводятся именно через сопряженность с Соловецкой обителью: «...яко сущих хранителей почитаем также и прежде бывших православных учителей отец наших поморского выгорецкого общежительства начальников» (Л. 3 об.). После этого перечислены руководители Выга, которые почитаются в согласии. Данный список примечателен, поскольку позволяет проследить, кто из поморцев оставался авторитетен среди филипповцев и федосеевцев и кого они считали частью общей истории.

Список «выгорецкого общежительства начальников» можно разделить на три группы. Первые три лица – знаковые фигуры, связывающие выговцев и Соловецкую обитель – Игнатий, Корнилий и Кирилл. Особенно примечательно включение дьякона Игнатия Соловецкого в число почитаемых федосеевцами отцов, поскольку на протяжении XVIII в. учение Игнатия о титле на кресте и самосожжениях считалось ими ложным, поэтому опровергалось в федосеевских сочинениях [12; 13]. Заметные уступки филипповцам и переход на позицию поморцев и филипповцев в вопросе о титле на кресте позволили включить Игнатия в число почитаемых.

Далее указываются основатели выговского общежительства – Даниил Викулин, Андрей Денисов, Петр Прокопьев [14, с. 15–65, 171–192, 407–462]. Следует обратить внимание, что в списке отсутствует Семен Денисов – приемник Андрея Денисова, при котором на Выге было в 1739 г. введено моление за государственную власть, что стало причиной разделения поморцев и филипповцев. Вместо него далее указаны Филипп и Терентий – основатели филипповского согласия [15]. Это позволило представить филипповцев как прямых наследников первого поколения руководителей Выга, а с точки зрения исторической схемы – продолжателей традиций Соловецкого монастыря. Данный список «выгорецких начальников», с одной стороны, должен был продемонстрировать фундамент примирения – общую историю двух согласий, а с другой – уверить филипповцев в лояльном отношении федосеевцев к поминовению старца Филиппа.

Далее указывается, что «подобно же сим» почитаются и новгородские «учителя», и «страдальцы», т. е. авторитетные наставники федосеевского согласия – «подобно же сим и великоновгородския области... учителей и страдалец... Пафнутия, Варлаама, Иоанна, Феодосия, Игнатия и прочих всех в православии скончавшихся яко сущих поминаем» (Л. 3 об.). Для обоснования законности почитания новгородских наставников приводятся сведения о примирительном

соборе между поморцами и федосеевцами, состоявшемся на Выге в 1727 г. [3, с. 67–74; 16; 17].

Для федосеевцев важно было подчеркнуть это примирение с поморцами, поскольку наставники филипповцев неоднократно указывали на то, что именно Феодосий Васильев был инициатором разделения с Выгом и поэтому не может поминаться в качестве «православного». Федосеевцы настаивали на допустимости поминовения Феодосия Васильева, используя в качестве аргумента именно миротворческий собор между федосеевцами и поморцами, состоявшийся в 1727 г. Этот аргумент сформулирован федосеевцами в одном из полемических сочинений ранее: «По учиненным с федосеевцами 7235 году мире, Феодосия Васильева и других страдалец, для вечного их поминовения, в общежительныя синодики своя вложиша. В коих и поныне зрятя всеми»⁴. В тексте преамбулы особо подчеркивалось участие Андрея Денисова в данном соборе, что, по-видимому, позволяло логически связать почитание новгородских наставников с упомянутыми ранее начальниками выговской пустыни и подчеркнуть для читателя идею преемственности.

Развивая эту мысль, авторы указывают, что собор 1727 г. «яко истинный и праведный почитаем, ибо от многих той подкрепляется». И в качестве аргументов далее перечислены последующие примирительные соборы – 1791 г., 1803 г.; и один федосеевский – 1809 г., послуживший шагом к примирению с филипповцами. Таким образом, авторы, с одной стороны, укрепили авторитет собора 1727 г., сославшись на упоминавшие его мирные соединения, а с другой – выстроив их в единую линию, подчеркивали, что проводимый ими собор является продолжением этих мирных соединений: «Подобно ныне и мы... в царствующем граде Москве, от обоех стран собравшиеся купно все православные христиане собор сей святыи церкви соединения сотворяем» (Л. 5). Далее помещены статьи «ко исправлению церковному», которые должны были стать фундаментом для объединения и устранения разногласий между федосеевцами и филипповцами.

Подробный анализ преамбулы к статьям позволил выявить, каким образом два родственных согласия представляли свое место в христианской традиции и общую историю. Авторы попытались представить консолидирующим элементом общего прошлого представителей первого поколения выговцев – основателей поморского согласия. В частности, знаковой оказалась фигура Андрея Денисова, поскольку старец Филипп представлен как его преемник, и первое примирение с федосеевцами также связывается с этой личностью.

Помещенные далее 29 статей носят, скорее, компилятивный характер и во многом воспроизводят подобные соборные деяния предшествующих примирительных соборов, указанных ранее. Например, статьи с 14 по 28 представляют собой почти дословное воспроизведение статей постановления Петербургского федосеевского собора 1809 г. По-видимому, включение статей Петербургского собора было необходимо для того, чтобы они получили также одобрение филипповцев.

⁴ БАН. Собр. Дружинина. № 701. Л. 355 об. – 356.

Тематическим блоком, представлявшим определенные новации, стали статьи, направленные на централизацию власти в согласии и регламентацию полномочий наставников. Данные вопросы являются важными для понимания внутренней структуры обоих согласий, поэтому остановимся на них подробнее. Особое развитие получила идея централизации власти и усиления роли Преображенского кладбища в качестве общепризнанного беспоповского центра. В статье 7 закреплено избрание из настоятелей «единого в старейшины», который должен находиться на Преображенском кладбище. Остальным наставникам предписывалось «повиноваться и без совету онаго собою ничего не предпринимати» (Л. 7).

Таким образом, филипповская община, согласившаяся с данными статьями, фактически инкорпорировалась в структуру федосеевских общин, объединенных вокруг Преображенского кладбища. Подобная статья содержалась и в примирительном письме 1803 г. между московской балчужной общиной и федосеевцами⁵. Однако данные статьи являлись более широкой объединительной платформой и были дополнены другими статьями, определяющими полномочия и компетенции старейшины Преображенского кладбища.

В следующих статьях подробно разъяснялись полномочия «старейшего наставника». В статье 3 наставникам и книжным предписывалось совершать «соборныя службы с ведома и благословения настоятельствующего всеми Преображенского кладбища» (Л. 6), а в статье 4 – совершать панихиды и погребения только на Преображенском кладбище. Исключения допускались лишь в крайних случаях и с благословения «старейшаго», т. е. настоятеля Преображенского кладбища. Судя по этим статьям, власть наставников региональных общин серьезно урезалась и полностью отдавалась руководству Преображенского кладбища. Кроме того, «старейшему отцу» передавался суд в мирских делах: «...настоятелям в... пристрастиях мирским людям не судить, но токмо старейшему отцу...». В его руки переходило и разрешение принимать приезжающих из других мест единоверцев: «...странных гостей без дозволения и благословения кладбищенского старейшего отца... не принимать и с ним не сообщаться и дел духовных не иметь» (Л. 8 об.). Тем самым у наставников общин отнималось еще право на любое «внешнее» общение и на суд, их роль сводилась к исключительно духовному руководству и донесению до паствы решений Преображенского кладбища.

В статьях прописан и механизм избрания новых наставников. В статье 9 закреплено правило о поставлении новых наставников «начальным отцом» келейно, а в молитвенном доме, т. е. открыто. В статье 10 прописано обязательство новопоставленных настоятелей предоставлять письменное свидетельство о понимании догматов и обрядов и обещание следовать им.

Таким образом, в отличие от статей предыдущих миротворческих соборов, сосредоточенных, как правило, на четком закреплении понимания спорных догматических вопросов, в данных статьях внимание сконцентрировано

но на проблеме централизации власти и подчинения всех федосеевских и филипповских общин Преображенскому кладбищу.

Далее в сборнике РНБ.О.1.370 помещен текст письма в адрес наставников Преображенского кладбища от филипповцев, не участвовавших в примирительном соборе, но получивших текст статей в качестве платформы для возможного примирения через «хадателя сему миротворному соединению» (Л. 18). Они одобрили отказ федосеевцев от учения Феодосия Васильева и согласие с учением Андрея Денисовича, Петра Прокопьевича и Даниила Викуича. При этом они напоминали наставникам о скандале в связи с выбором попечителей Преображенского кладбища⁶, отметив, что «много лишлись наружного имени по судам... так много ровно уронили и душевного спасения» (Л. 17).

В отношении статей филипповцы заявили, что они «...с духовным разумом написанныя сходственно... и з древлепоморскими помянутыми отцы и с нашим разумением согласующи» и они готовы «возстановити на таковых правилах церковный мир» (Л. 19 об. – 20). Однако подчеркнули, что для восстановления церковного мира кроме утверждения этих статей федосеевцам требуется испразити некоторые «сомнительныя дела». Затем они сформулировали в семи пронумерованных пунктах свои требования. Остановимся на наиболее принципиальных из них, чтобы продемонстрировать то, что, по мнению филипповцев, продолжало препятствовать их соединению с федосеевцами.

В частности, филипповцы выразили сомнение в отношении «Польского устава», принятого федосеевцами в 1751 г., который, по их мнению, отражал учение Феодосия Васильева и его разделение с поморскими отцами (Андреем Денисовичем и Даниилом Викуличем) [18, с. 415–423; 19]. Кроме того, в вину федосеевцам вменялось составление сборника «Отеческие завещания» и его соборное одобрение на Преображенском кладбище. Это оценивалось филипповцами как возвращение федосеевцев к первоначальному учению Феодосия Васильева. Поэтому филипповцы требовали от наставников Преображенского кладбища составить опровержение на статьи Польского устава и сборник на «Отеческие завещания». Таким образом, фактически филипповцы настаивали на полном переходе федосеевцев на их позиции.

Тут же в сборнике помещен ответ федосеевцев, подробно разбирающий каждый пункт высказанных претензий. Все семь претензий филипповцев рассмотрены в письме очень обстоятельно с приведением аргументов, с тем чтобы убедить читателя, что никаких препятствий для мирного соединения двух согласий нет. Завершается текст ответного послания пожеланием мира и указанием, что стремиться к нему должны обе стороны.

Далее в составе сборника полностью приведен Польский устав 1751 г., в котором статьи, вызвавшие возражение филипповцев, представлены в исправленном виде⁷. После этого в сборник включены первые шесть статей постановле-

⁵ Статьи примирительные московских филипповцев и федосеевцев. ИИ СО РАН. Собр. рукописей. № 14/74. Л. 578–579 об.

⁶ О конфликте попечителей Преображенского кладбища см.: РГБ. Собр. Шибанова. № 210. Л. 130–141.

⁷ Там же. Л. 50–60.

ния Петербургского собора 1809 г. с объяснением и утверждением Преображенского кладбища⁸. Таким образом, федосеевцы попытались представить свои авторитетные тексты в таком виде, чтобы все препятствия к примирению можно было считать устраненными.

Сборник РНБ. ОСРК. О.І. 370 представляет собой пример полемической литературы, представляющий взаимоотношения двух согласий в форме равноправного диалога. При этом сборник структурирован федосеевцами таким образом, чтобы подвести читателя к мысли об устранении всех препятствий для примирения двух согласий и появлении возможности объединить отдельные филипповские общины под началом наставников Преображенского кладбища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: в 2 т. М.: Квадрига, 2009.
2. *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. 391 с.
3. *Мальцев А.И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: Проблема взаимоотношений. Новосибирск: Сова, 2006. 572 с.
4. *Гурьянова Н.С.* К истории взаимоотношений между филипповским и федосеевским согласиями // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 59–63.
5. *Першина М.В.* Филипповская община г. Тюмени и Братский двор // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 19–23.
6. *Першина М.В.* Филипповское согласие в XIX в.: идеология, полемика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010.
7. *Никаноров И.Н.* Постановление легендарного старообрядческого собора и сборник «Отческие завещания» // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 67–71.
8. *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 196 с.
9. *Чумичева О.В.* Соловецкий монастырь как старообрядческая альтернатива Новому Иерусалиму патриарха Никона // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре: Материалы междунар. симпозиума. М., 2006. С. 160–162.
10. *Юхименко Е.М., Поньрко Н.В.* История об отцах и страдальцах соловецких Семена Денисова в духовной жизни русского старообрядчества XVIII–XX вв. // История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф.Ф. Мазурина. М., 2002. С. 7–30.
11. *Гурьянова Н.С., Крампи Р.* Историческая схема в сочинениях писателей Выговской исторической школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 120–138.
12. *Бубнов Н.Ю., Чумичева О.В.* Дьякон Игнатий Соловецкий: жизнь и сочинения // Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998. С. 39–45.
13. Старообрядческие писатели об Игнатии Соловецком / Публ. подг. Н.Ю. Бубновым // Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998. С. 190–230.
14. *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература / науч. ред. Н.В. Поньрко. М.: Языки славян. культуры, 2002. Т. 1–2
15. *Демкова Н.С., Титова Л.В.* Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» // Демкова Н.С. Сочинения протопопа Аввакума

и публицистическая литература раннего старообрядчества: Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 308–326.

16. *Иустинов П.Д.* К истории федосеевского толка (Игнатий Трофимов). Часть 1 // Богословский вестник. М., 1910. № 11. С. 483–497.
17. *Иустинов П.Д.* К истории федосеевского толка (Игнатий Трофимов). Часть 2 // Богословский вестник. М., 1911. № 5. С. 194–208.
18. *Потащенко Г.* Староверие в Литве: вторая половина XVII – начало XIX в. Исследования, документы и материалы. Вильнюс: Aidai, 2006. 543 с.
19. *Гурьянова Н.С., Никаноров И.Н.* «Польский устав» и реалии окружающего мира // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: Материалы междунар. науч. конф. (Новосибирск, 23–24 апр. 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 430–436.

REFERENCES

1. *Zenkovsky S.* Russian Old Believers. In 2 vol. Moscow: Quadriga, 2009, v. 1–2. (In Russ.)
2. *Pokrovski N.* Feudal protest Ural-Siberian peasant Old Believers in the XVIII century. Novosibirsk: Nauka: SB, 1974. (In Russ.)
3. *Maltsev A.* Old Believers priestless denominations XVIII – early XIX century: The problem of relations. Novosibirsk: Owl, 2006. (In Russ.)
4. *Guryanova N.* On the history of the relationship between filippovs and fedoseevts denominations. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2003, no 3, pp. 59–63. (In Russ.)
5. *Pershina M.* Filippovs` community of town Tyumen and Bratskiy dvor. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2009, no 3, pp. 19–23. (In Russ.)
6. *Pershina M.* Filippovsts denomination in the XIX century: ideology controversy: Abstr. of dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Novosibirsk: IH SB RAS, 2010. (In Russ.)
7. *Nikanorov I.* Resolution of the legendary Old Believer`s council and a collection «Otecheskie zaveshaniya». *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2013, no 4, pp. 67–71. (In Russ.)
8. *Chumicheva O.* Solovetsky Monastery rebellion 1667–1676. Novosibirsk: SB RAS, 1998. (In Russ.)
9. *Chumicheva O.* Solovetsky monastery as Old Believer`s alternative to the New Jerusalem of Patriarch Nikon. *New Jerusalem. The transfer of sacred spaces in the Christian culture. Proceedings of the International Symposium*. Moscow, 2006, pp. 160–162. (In Russ.)
10. *Yuhimenko E., Ponyrko N.* Symeon Denisov`s story about fathers and martyrs of Solovetsky Monastery in the spiritual life of Russian Old Believers XVIII–XX centuries. *Istoriya ob otsakh i stradaltsah solovetskih: Litsevoy spisok iz sobraniya F.F. Mazurina*. Moscow, 2002, pp. 7–30. (In Russ.)
11. *Guryanova N., Crumme R.* Historical scheme in the works of Vyg historical school writers. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.)*. Moscow, 1994, pp. 120–138. (In Russ.)
12. *Bubnov N., Chumicheva O.* Deacon Ignatius Solovetsky: the life and writings. *Pamyatniki staroobryadcheskoy pismennosti*. SPb., 1998, pp. 39–45. (In Russ.)
13. *Bubnov N.* (ed.) Writers – Old Believers about Ignatius Solovetsky. *Pamyatniki staroobryadcheskoy pismennosti*. SPb., 1998, pp. 190–230. (In Russ.)
14. *Yuhimenko E.* Vyg Old Believers monastery: Spiritual Life and Literature. Moscow: Yazyiki slavyanskoj kulturyi, 2002, v. 1–2. (In Russ.)
15. *Demkova N., Titova L.* Little-known Old Believer writing of the middle of the XVIII century. «History of the martyr fathers Philip and Terence». *Sochineniya protopopa Avvakuma i publitsisticheskaya literatura rannego staroobryadchestva: Materialy i issledovaniya*. SPb., 1998, pp. 308–326. (In Russ.)
16. *Iustinov P.* On the history of Fedoseevts denomination (Ignatius Trofimov). Part 1. *Bogoslovskiy vestnik*. 1910, no 11, pp. 483–497. (In Russ.)

⁸ Там же. Л. 60–77.

17. *Iustinov P.* On the history of Fedoseevts denomination (Ignatiy Trofimov). Part 2. *Bogoslovskiy vestnik*. 1911, no 5, pp. 194–208. (In Russ.)

18. *Potashenko G.* Old Believers in Lithuania: the second half of XVII–XIX centuries. Studies, documents and materials. Vilnius: Aidai, 2006. (In Russ.)

19. *Guryanova N., Nikanorov I.* «Polish charter» and social conditions. *Problems of the Russian-Polish history and cultural dialogue*. The international scientific conference, (Novosibirsk, April 23–24, 2013). Novosibirsk, 2013, pp. 430–436. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 16.01.2015

УДК 94(574)“1941/45”:32

М.Ч. КАЛЫБЕКОВА

ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Манара Чальтеновна Калыбекова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и культуры Казахстана
Института магистратуры и докторантуры КазНПУ им. Абая;
Республика Казахстан, Алматы, пр. Абая 202/41, 050060;
e-mail: k.manara@mail.ru

В статье освещается массовая депортация народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны. На основе вводимых в научный оборот новых архивных источников изучаются причины, основные тенденции, масштабы и последствия проводимых государством репрессивных мер по отношению к различным категориям населения Казахстана, анализируются доминирующие стереотипы эпохи. Рассматривается роль спецпереселенцев в создании мощного индустриального потенциала страны в отдаленных районах с суровыми климатическими условиями. Особый интерес представляет изучение деятельности государственных органов власти по созданию условий для жизни и работы спецпереселенцев на спецпоселениях, а также проблемы правового положения спецпереселенцев.

Ключевые слова: депортация, спецпереселенцы, НКВД СССР, расселение, миграция, выселение, хозяйственное устройство, правовой статус.

M.CH. KALYBEKOVA

DEPORTATION OF PEOPLE TO KAZAKHSTAN DURING THE SECOND WORLD WAR

Manara Chaltenovna Kalybekova,
Candidate of historical Sciences,
Associate Professor of History and Culture,
Kazakhstan Institute of Higher Degrees (PhD)
Kazakhstan National Pedagogical University named after Abai
202/41, Abay av., Almaty, Kazakhstan, 050060;
e-mail: k.manara@mail.ru

The article covers the mass deportation of people to Kazakhstan during the Second World War. The author introduces new archival sources into scientific circulation (from the Archive of the Karlaq, Archive of the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's of the Republic of Kazakhstan (materials of NKVD and MVD), Archive of the Committee on Legal Statistics and Special Records of the Karaganda region) regarding the notion of the Stalin stereotypes. The primary goal of research is to better understand the causes, major trends, extent and effect of the state repressive measures carried out in relation to the various categories of the population of Kazakhstan. Analysis of the agricultural equipment of the deported people allows us to identify the role of special settlers in creating the powerful industrial potential of the country in remote areas with harsh climatic conditions. Also of particular interest is the role of public authorities in creating living conditions and meeting the special needs of the settlers. The author also considers the results of governmental activities in this sphere as well as legal provision for the settlers. The research findings provide the opportunity to obtain new methodological and theoretical insights, to revisit this issue and evaluate the events that took place in the period under study. Significance of the theme lies in the fact that examining the topic through the prism of research makes it possible to analyze the historical processes which took place in the whole country. It also provides an opportunity to analyze